„КНИЖНЫЙ УГОЛ“

КРИТИКА—БИБЛИОГРАФИЯ
ХРОНИКА

5

Издательство
„ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК“
Петербург.
1918.

КНИЖНЫЙ УГОЛ.

№ 5.

СОДЕРЖАНИЕ:

Виктор Ховин. Безответные вопросы (VI—VIII).

В. В. Розанов. Из последних листьев.

Апокалиптика русской литературы.

Библиография.

Ц. Типограф. Просп. Володарскаго 58. (Литейный).

Безответные вопросы.

VI *).

Г.г. большевики имеют законное право определять мое поведение так, как им угодно, но я должен напомнить этим господам, что превосходные душевные качества русского народа никогда не ослепляли меня, я не преклонял колен **) перед демократией и она не является для меня чем то настолько священным, что совершенно недоступно критике и осуждению...

Теперь, когда известная часть рабочей массы, возбужденная обезумевшими владыками ее воли, проявляет дух и приемы касты, действуя насилием и террором... теперь я, разумеется **), не могу итти в рядах этой части рабочего класса.

М. Горький. «Несвоевременные Мысли».

Как будто-бы немножко безтактный эпиграф?

Действительно безтактный.

Сам знаю, что—безтактный, недаром из книги, которая «Несвоевременными мыслями» названа.

Только когда же «несвоевременными» были мысли эти? —тогда ли, когда пришли на ум писателю, или теперь, когда вспоминаются и напоминаются ему?

В свет появилась книга эта в те времена, когда М. Горький, «гуманитарными и идеалистическими» соображениями побуждаемый «правду» собрался говорить.

И говорил эту правду.

Даже с сознанием собственного героизма говорил, ибо «говорить правду—это искусство, труднейшее из всех искусств». Но настолько трудным оно оказалось, что М. Горький от позы своей героической отказался и замолчал.

Впервые откровенно и публично замолчал он на митинге трудовой интеллигенции. Впречем, на митиге, ка-

*) Безответные Вопросы I—V—«Кн. Угол» № 4.

**) Курсив мой.

жется, горло у писателя болело, потому то он и вправе был ни одного слова не произнести.

Но неужто же с тех пор так у него все горло и болит?..

От горла, конечно, «говорить правду» можно перестать, но только зачем же вдруг «коленопреклоненным» его видим?—к этому уже больное горло ни в какой мере не обязывает.

И почему то, что раньше «разуметься» должно было, сейчас отнюдь не разумеется, а как раз наоборот?

Правда, М. Горький всегда «сторонником активного отношения к жизни был» («Несвоевр. Мысли»), но только отчего активность его по пути «коленопреклонения» пошла?

Что же случилось в мире «зоологических инстинктов», в царстве «невежества политики» и «политики невежд», заставившее писателя изменить своим первоначальным побуждениям?

Что сталось с кровавыми лоскутками его правды человеческой, не связанной «с интересами личностей, групп, классов и наций»?

Что сталось с ними?

Быть может, новую правду нашел он?

Ну, так отважьтесь же еще раз на героизм, М. Горький, и скажите свою новую правду.

Или... старые кровавые лоскутки мешают?...

VII.

Что это—безответственность или хуже?

Издать в 1918 г. «Революционную хрестоматию футуристов», состоящую почти целиком из старых, пусть заслуженных, но в своей заслуженности поседевших вещей, это—только бессилие.

Но, поместив в той же хрестоматии предисловие г-на Луначарского, «литературная коллегия», редактировавшая сборник, обратила против себя «пощечину», нанесенную когда то футуризмом общественному вкусу.

И какая вышла звонкая, какая позорная пощечина? Полупризнание таланта Маяковского, двусмысленно покровительственное отношение к футуризму вообще, неменее

двусмысленная поза меценатствующего «любителя литератур и искусств»,—это ли не пощечина?

И пусть вспомнят те, кто расписался теперь в ее получении, пусть вспомнят г-да футуристы из «литературной коллегии», что в эпоху создания ими «Пощечины общественному вкусу», в ту эпоху существовал уже литератор Луначарский.

И кому предназначалась тогда та, первая, «пощечина»?

Не литераторам ли Луначарским?

А теперь?

Чьего покровительства ищет теперь «литературная коллегия»?

— Литератора или комиссара Луначарского?

Ответ почти очевиден.

Ну, а тогда, что же такое «Революционная хрестоматия футуристов»?

Безответственность или...

хуже?...

VIII.

Футурист Маяковский написал пьесу.

Критик Луначарский одобрил ее.

А комиссар народного просвещения Луначарский способствовал изданию пьесы и постановке ее на сцене.

Такова краткая хроника событий.

Впрочем, пьеса Маяковского—не просто пьеса, а апофеоз советской коммуны, а постановка ее на сцене с одобрения правительственной власти — не просто постановка, но признание фабрикантами новой культуры не признанного, гонимого буржуазной культурой, молодого искусства.

Все это было бы так, если бы не случился критик Левенсон, которому пьеса решительно не понравилась и который не менее решительно выругал ее на страницах комиссариатской газеты «Жизнь Искусства».

Критик Левенсон не принадлежит к кругу тех людей, вкусы которых я разделяю, но на этот раз критик Левенсон оказался почти правым и, даже больше, окончательно

правым, правее, чем ему самому, вероятно, казалось и все те обвинения, которые первоначально он высказал, пожалуй, несколько смело и неосновательно, нашли себе в дальнейшем полное и, увы, позорное оправдание.

Пьеса Маяковского—пьеса действительно не важная.

Пьеса плоского остроумия и фальшивого, неумного, а чаще прямо вульгарного и глуповатого, пафоса.

Пьеса, хотя и высоко патриотичная, но гарцующая на весьма недостойных трюках откровенного версификаторства и расчитанная на весьма невзыскательные вкусы, но тоже высоко патриотичные.

Впрочем, «громкое ура», овации и все прочее незамысловатым замыслом пьесы были обезпечены.

И гордый Мафарка русского футуризма был искушен.

А эстетизирующему критику Левенсону была предоставлена незавидная участь радоваться совершенно явной неудаче этого, с позволения сказать, футуристическо-большевистского трюка Владимира Маяковского.

Но какое дело русскому футуризму до неудачных трюков г-на Маяковского?

Русский футуризм может отнюдь не завидовать легким победам г-д Левинсонов над «молодым искусством», ибо даже в «Революционной Хрестоматии», которая явилась плодом «новаторских» затей «футуристов из большевиков», было предусмотрено, что «критики за грехи одного, назвавшегося футуристом, требуют к ответу все течение».

Мы вправе были бы не заметить неудачный акробатический прыжок Маяковского с большевистско-футуристических трапеций.

Мы могли бы обойти молчанием и весьма жалкую, до смеха жалкую, позу, принятую затем неудачливым акробатом, когда г. Маяковский письмом в «Петроградскую Правду» на имя «товарища Луначарского» требует последнего к ответу за то, что он, одобривший пьесу, назвавший ее «единственной пьесой революции», позволяет не одобрять пьесу на страницах советской печати какому-то Левенсону.

О, это требование к ответу комиссара народного просвещения, эта гордая поза великолепного возмущения, по существу же дела просто хватание за вицмундир одобрив-

шего начальства, это — поистине достойно цирковой арены.

Достойно, если бы... если бы не требование поэтом Маяковским административного воздействия на Левенсона, если бы не игра такими жупелами, как напоминание о сотрудничестве жестокого критика в «гнусной покойной Речи» и т. п.

Но, когда одновременно с Маяковским целая группа «деятелей искусств», выступая на защиту поруганного поэта, «гонимого когда-то царской полицией» (какие пошлые, какие гнусавые слова), когда эта группа «деятелей» тоже жонглирует и теми же намеками, теми же жупелами, когда и она требует «административного воздействия» на буржуазного критика из «Речи», когда и она спекулирует на одобрении пьесы Маяковского «идеологом пролетариата товарищем Луначарским» и говорит о саботаже, скрытом в критической заметке г-на Левенсона, то все это далеко выходит за пределы акробатических трюков.

И когда все это проделывается во имя защиты оклеветанного футуризма «футуристами» в чиновничьих кокардах, когда письмо в «Жизнь Искусства» подписывается г.г. Школьником, Пуниным, Бриком наряду с нежданными апологетами футуризма г-ми Чехонинами русского искусства, то не наше ли право прервать эту недостойную спекуляцию на футуризме?

Мы спокойно наблюдали за разнузданной суетливостью отдельных господ, поспешающих за победной колесницей победителя;

Мы молча смотрели, как втечение долгих месяцев эти господа суетились в передних большевизма;

Ибо мы знали, что «за грехи одного не ответственно все течение».

Но теперь, когда неблаговидные успехи и не менее неблаговидные неуспехи отдельных «футуристов» приобретают значение событий в жизни футуризма, когда суб'екты, понявшие весь вкус и все удобства навыков новой власти, проявляемых в широком применении «административных воздействий и пользуясь тем, что этими административными воздействиям и прервана живая жизнь молодого

искусства, обреченного, как и все, на молчание, пытаются использовать выгоды своего «свободного» существования

— Не пора ли нам теперь закрыть эту позорную страницу русского футуризма?

Не пора ли?!

И неужто же и на этот раз живая, творческая, молодая Россия ответит нам бессильным молчанием?..

Виктор Ховин.

Из последних листьев.

Одно было золото—сердце, ум.
Но—ни ног, ни рук.
И сказал мир: куда же он, когда не может работать?
И к чему, когда не может быть на побегушках?
И воззвал к небу: «Господи помоги»!..
Оно сжалилось: и прибавило: писанье.

(Я).

Если у тебя выпадет, дружок, поудобнее минутка к вечеру,—когда тени гуще и длиннее, и тебя не заметит ни проходящая жена, ни пробегающие дети—сядь и отдохни в уголке.

Птичка летала...
Птичка устала...

Ты тоже «я» средь мира. Побудь «сам» и «один». Вынь хлебца, запасенный кусочек. Посоли «пережженной солью». И отдохни просто и эгоистично.

В безмолвии растений есть особая загадка, прелесть и глубина. Тогда, как животные мычанием, ржанием, блеянием и щебетанием (птицы), вообще этим очевидным началом говора человеческого, нарушают вот эту безглагольную неиз'яснимость трав и дерев.

Замечательно, что обрезание Богом Авраама соверши-

лось по типу дерев и трав, а не по типу животных. Никакого глагола. Полное безмолвие.

«Расти».

Но и это даже не выговорено.

В этом отношении, в этом сравнении—как болтливо Евангелие. «Болтливое Евангелие». Кто смел бы сказать? Но ведь это так?

И эти многоречивые послания Апостольские. Ой, ой, ой. Прямо—Сорбонна...

ORIENS.

Дето-родильная религия, т. е. религия «животная», «живота нашего», «поясницы нашей» — она непременно и выразится:

а) космогонически
б) пламенно
в) со светильниками
г) с лампадами
д) пророчественно

Вся—пылая. И это:

«Взяли щипцами уголь с Престола Господня»

Или:

«И все тело его было исполнено очей спереди и сзади, внутри и снаружи».

(Обе цитаты откуда-то из „Апокалипсиса" или из „Пророка Іезекиіля").

Суть явно §§, «знамения»—деторoдильной религии.

Совершенно наоборот: «Он рассказал притчу о сеятеле»—это уже совсем, совсем другой мир... Мир начинающегося протестантства, мир начинающегося Гарнака, мир начинающейся Сорбонны, пастора Штекера. Мир вообще—слова и словесности. Совсем, совсем, совсем и все иное. Зала. Публика. Люстры. Чисто выметенный пол. Перчатки. Фуражка и шляпа. И—тросточка. «Без тросточки» современного богослужения не бывает.

Посему узнаю смертное и бессмертное. Восток, Восток,—зову тебя. Восток, Восток—приди сюда.

В. Розанов.

Апокалиптика русской литературы.

Нужно сказать молнию, а

Язык мой немеет
И взор мой угас.

Чтобы она осветила все...

Эти зигзаги каленых линий... И из гущи небесной посыпалось и посыпалось. И вот все видно сразу.

С 1891-го года думаю. Скорблю. Ужасаюсь. Вижу. Нет света. Темно. Темно. Ад в душе. Ад в совести. И молюсь тебе, Боже, уже кроткою молитвою нищаго: «Помоги мне, Боже, сказать коснеющим, умирающим языком, что я должен-бы сказать молодою молниею.

Есть перспективы... Уменьшения, возростания. С чего же начинать? Где начало? Откуда путаница? Отчего мир так не ясен?

«Бедному сыну пустыни снился сон: «Лежит и растилается великое Средиземное море и с трех разных сторон глядят в него: палящие берега Африки с тонкими пальмами, Сирийские голые пустыни,—и многолюдный, весь изрытый морем, берег Европы».

«Стоит в углу над неподвижным морем древний Египет. Пирамида над пирамидою; граниты глядят серыми очами, обтесанные в сфинксов; идут бесчисленные ступени. Стоит он величавый, питаемый великим Нилом, весь убранный таинственными знаками и священными зверями. Стоит и неподвижен, как очарованный, как мумия, несокрушимая тлением.

«Раскинула вольные колонии веселая Греция. Кишат на Средиземном море острова, потопленные зелеными рощами; кинамон, виноградные лозы, смоковницы помавают облитыми медом ветвями; колонны белые, как перси девы, круглятся в белом мраке древесном; мрамор страстный дышит, зажженный чудным резцом, и стыдливо любуется своею прекрасною наготою; увитая гроздиями, с тирсами и чашами в руках, она остановилась в шумной пляске; жрицы, молодые и стройные с разметанными кудрями, вдохновенно вон-

зили свои черные очи. Тростник, связанный в цевницу, тимпаны, мусикийские орудия мелькают перевитые плющем. Корабли как мухи толпятся близ Родоса и Коркиры, подставляя сладострастно выгибающийся флаг дыханию ветра. И все стоит неподвижно, как-бы в окаменелом величии.

«Стоит и распростирается железный Рим, устремляя лес копий и сверкая грозною сталью мечей, вперив на все завистливые очи и протянув свою жилистую десницу. Но он неподвижен, как и все, и не тронется львиными членами.

«Весь воздух небесного океана висел сжатый и душный. Великое Средиземное море не шелохнет, как будто-бы царства все предстали на страшный суд перед кончиною мира.

«И говорит Египет, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнин, и устремляя иглы своих обелисков. «Народы, слушайте! Я один постиг и проник тайну жизни и тайну человека. Все тлен. Низки искусства, жалки наслаждения, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть царствует над миром и человеком! Все пожирает смерть, все живет для смерти. Далеко, далеко до воскресения! Да и будет-ли когда воскресение? Прочь желания и наслаждения! Выше строй пирамиду, бедный человек, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бедное существование».

«И говорит ясный как небо, как утро, как юность светлый мир греков, и, казалось, вместо слов слышалось дыхание цевницы: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вместе с нею ее наслаждения. Все неси ему. Гляди, как выпукло и прекрасно все в природе, как дышет все согласием. Все в мире,—все, чем ни владеют боги, все в нем; умей находить его. Наслаждайся богоподобный и гордый обладатель мира,—венчай дубом и лавром прекрасное чело свое, мчись на колеснице проворно, правя конями на блистательных играх! Далее корысть и жадность от вольной и гордой души! Резец, палитра и цевница созданы быть властителями мира, а властительницею их—красота. Увивай плющем и гроздием свою благовонную главу и главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслаждения,—умей быть достойным наслаждения».

«И говорит покрытый железом Рим, потрясая блестящим

лесом копий: «Я постигнул тайну жизни человека. Низко спокойствие для человека: оно уничтожает его в самом себе. Мал для души размер искусств и наслаждений. Наслаждение в гигантском желании. Презренна жизнь народов и человека без громких подвигов. Славы, славы жаждай человек. В порыве нерасказанного веселия, оглушенный звуком железа, несись на сомкнутых щитах бранноносных легионов. Слышишь-ли, как у ног твоих собрался весь мир, и потрясая копьями, слился в одно восклицание? Слышишь-ли, как твое имя замирает страхом на устах племен, живущих на краю мира? Все что ни об'емлет взор твой, наполняй своим именем. Стремись вечно: нет границ миру, нет границ и желанию. Дикий и суровый, далее и далее захватывай мир,—ты завоюешь наконец небо».

Но остановился Рим и вперил орлиные очи свои на Восток. К Востоку обратила и Греция свои влажные от наслаждений, прекрасные очи; к Востоку обратил Египет свои мутные, безцветные очи.

«Камениста земля; презренен народ; немноголюдная весь прислонилася к обнаженным холмам, изредка, неровно оттененным иссохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою стоит ослица. В деревянных яслях лежит младенец; над ним склонилась непорочная мать и глядит на него исполненными слез очами; над ним высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом.

«Задумался древний Египет, увитый иероглифами, понижая ниже свои пирамиды; безпокойно глянула прекрасная Греция; опустил очи Рим на железные свои копья; приникла ухом великая Азия с народами—пастырями; нагнулся Арарат древний прапращур земли...

. . . .
. . . .

В ме́ньшем числе строк нельзя сказать большого. «Приснился-ли бедному сыну пустыни сон». И все оголенное существование Отечества кажется не стоит этих единственных во всемирной письменности строк. По их законченности. По их универсальности. По их неисчерпаемости.

. . . .
. . . .

Что то случилось. Что то слукавилось. Кто то из «бедной ясли» вышел не тот.

И стало воротить «на сторону» лицо человеческое... И показалось всюду—

рыло.

И стал «бедный сын пустыни» описывать Чичиковых... Подхалюзиных. Собакевичей. Плюшкиных.

И куда он ни обращался, видел все больше и больше, гуще и гуще, одних этих

рыл.

И чем больше молился несчастный

кому—неизвестно...

Тем больше встречал он эти же

рыла.

Он сошел с ума. Не было болезни. Но он уморил себя голодом. Застыв, обледенев от ужаса.

В. Розанов.

Библиография.

Художество.

347. Борис Григорьев. Intimité. Текст В. Дмитриева и В. Воинова. Стр. 88 + 40 иллюстр. Изд. в колич. 1000 нумеров. экз. Ясный. Спб.—50 р.

348. К. Ф. Юон. Текст А. Койранского. Стр. 77 с иллюстр. Серия «Русские Художники» под ред. Лукомского. Изд. «Земля». Спб.—40 р.

349 Книжные знаки. Стр. 36+22 иллюстр. Отпечатано в колич. 200 нумер. экз. Изд. Книжного Кооператива «Petropolis» Спб.—30 р.

350. Марки фарфора, фаянса и маиолики. Пособие для любит. и коллекц. Стр. 216 с иллюстр. Изд. И. Троцкого и Ф. Фогта. Спб.—40 р.

351. Герои и жертвы Революции. Октябрь 1917—18 г. Рисунки Богуславской, Козлинского, Маклецова и Пуни. Текст В. Маяковского. Изд. Отд. Изобраз. Искусств. Комиссариата Народн. Пр.—7 р.

352. Ал. Блок. Двенадцать. Рисунки Ю. Анненкова. Стр. 88. Изд. Алконост. Отпечат. в колич. 300 экз. из коих 25 раскрашены от руки художн.—50 р. (прост. экз.).

Театр.

353. Сверчок на печи. Постановка Студии Моск. Художест. Театра. Текст Эфрона. С иллюстр. Изд. «Земля».—40 р.

354. П. А. Лебединский. Мимика. Этюды. Теория и практика для сцен. деятелей.—4 р.

355. П. А. Лебединский. Грим. 3-е исправл. и дополн. изд. Стр. 316 с рисунк.--10 р.

Литература.

356. А. Алафузова. Розы на снегу. Стихи. Стр. 73. Спб.—4 р.

357. Н. Клюев. Медный Кит. Стихи. Стр. 116. Изд. П. С. Р. и К. Д.—2 р. 40 к.

358. В. Князев. Красные звоны и песни. Стихи. Стр. 140. Изд. П. С. Р. и К. Д.—2 р. 50 к.

359. Мистерия—Буфф. Героич. эпическое и сатирич. изображение нашей эпохи, сделанное В. Маяковским. Три действия. Пять картин. Стр. 79.—6 р. 50 к.

360. Ржаное Слово. Революц. Хрестоматия футуристов. Предисл. А. Луначарского. Стр. 58—6 р. 50 к.

361. Т. Г. Шевченко. Запретный Кобзарь. В переводах собрал И. А. Белоусов. Стр. 79+IV. Изд. «Грань». М.—2 р.

362. И. Ясинский. Воскреснувшие сны. Стихи. Стр. 84. Изд. Петр. Совдепа.—1 р. 50 к.

363. Уильям Локк. Песнь жизни (Далекие рассказы). Стр. 396+VIII. Перевод с англ. Т. Герценштейн. Изд. «Современные Проблемы». М.—8 р.

Детское.

364. Что рассказывать детям? Сборник сказок, легенд, сказаний и рассказов для часов рассказывания в школах, детских клубах и читальнях для детей города и деревни. Составили А. М. Калмыкова и О. И. Капица. Стр. 306. Изд. «Огни». Спб.—14 р.

Философия.

365. П. П. Блонский. Философия Плотина. Стр. 367. Изд. Лемана и Сахарова. М.

366. И. А. Ильин. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. Том II. Учение о человеке. Стр. 355. Изд. Лемана и Сахарова. М.—12 р.

История.

367. А. Е. Пресняков. Московское Царство. Общий Очерк. Стр. 139. «Круг Знания». Изд. «Огни». Спб.—7 р.

Библиография.

368. Книжная Летопись. №№ 9—12. Март. Стр. 15—1 р. 10 к.

369. Книжная Летопись. №№ 13—16. Апрель. Стр. 16—1 р. 10 к.

370. Книжная Летопись. №№17—20. Май. Стр. 22—1 р. 10 к.

371. Книжная Летопись. №№ 21—23. Июнь. Стр. 24—1 р. 10 к.

372. Библиографический Вестник. Т-ва «В. А. Березовский». № 247.—50 к.

373. Библиографический Вестник. Т-ва «В. А. Березовский». № 248. Стр. 16—50 к.

Журналы и сборники.

374. В. Розанов. Апокалипсис нашего времени. № 10. Содер. Солнце. Корень вещей. Древность и христианство. Домострой. Христос между двух разбойников. Как падала и упала Россия. Совет юношеству. Стр. 12. Сергиев Посад.—35 к.

375. Былое. № 13 Июль 1918 г. Содерж.:—В. Г. Короленко под надзором полиции. Ѳ. Покровского;—Программа первого в России с. д. кружка;—Далекое прошлое. Из воспомин. старого народовольца Вл. Иохольсона;—Скорбные страницы шлиссельб. летописи. Б. Н—ского;—В январе и февр. 1917 г. Из донесений секретн. агентов А. Д. Протопопова;—Молодость Г. В. Плеханова. Воспом. Л. Дейча;—Записки А. М. Тургенева. Со вступ. статьей и под ред. Я. Л. Барскова;—«Правдивый исследователь старины». Письмо в редакцию В. Засулич.—Покушение на вел. князя Николая Николаевича и казнь Коноплянниковой. Н. Ф.;—Черный Кабинет. Из воспом. бывш. цензора С. Майского;—Александр III и русск. эмигранты. Документ. Стр. 203—10 р.

376. Бирюч Петрогр. госуд. театров. № 1 (1—8 ноября). Стр. 48.—1 р.

377. Бирюч Петр. госуд. театр. № 2 (9—15 ноября). Тургеневский. Стр. 64.—1 р.

378. Бирюч Петр. госуд. т. № 3 (11—23 ноября). Стр. 64.—1 р.

379. Бирюч Петр. госуд. т. № 4 (24—30 ноября). Стр. 64.—1 р. 50 к.

380. Бирюч Петр. госуд. т. № 5 (1—7 декабря). Стр. 64.—1 р. 50 к.

381. Записки Передвижн. Общедост. театра. Выпуск 12. Октябрь. Стр. 19. С иллюстр.—1 р. 50 к.

382. Записки Передвижн. Общедост. театра. Выпуск 13. Ноябрь. Стр. 20. С иллюстр.—1 р. 50 к.

383. Записки Передвижн. Общедост. театра. Выпуск 14. Ноябрь. Стр. 20. С иллюстр.—1 р. 50 к.

384. Вестник Народного Просвещения Союза Коммун Северн. Обл. № 2—3. Содерж.: 1) Оффиц. часть. 2) О новой школе. П. Е.;—Ритмич. гимн. в нов. школе. Зорина;—Совместн. воспитание. Л. К.;—К вопросу о физич. труде в нов. школе. Л. М.;—Нар.-Культурн. движение на Алтае. Таежник;—Одна из очередных задач;—Из печати;—Хроника;—Отзывы о книгах;—Библиогр. Стр. 44.—3 р.

385. Вестник Народн. Просвещения. № 4—5. Содерж.: 1) Оффиц. часть. 2) Общие директивы по делу преподов. изобразит. искусств в средн. школ. Митурич;—К вопросу о детском театре. А. Глебов;—К учрежд. Яхт—Клуба при доме учащейся молод. Петерб. Комуны. В. Волынец;—Револю.—творческая работа в Олонец.

крае. Таежник;—Хроника;—Отзывы о книгах;—Почтовый ящик. Стр. 60—3 р.

386. Вольный Труд. Орган питер. федерации Анархо-Синдик. групп. № 1. Стр. 30—2 р.

Добавление.

387. Басов—Верхоянцев Венок (Сказки). Стр. 188. Изд. Петрогр. Совдепа—2 р. 50 к.

388. Логинов. На страже (Стихи. Сатира). Стр. 88. Изд. Петр. Сов. Раб. и Кр. Деп.—90 к.

389. Ф. Зелинский. Эсхил (Очерк). Серия «Драматические писатели». Стр. 16. Издание Театральн. Отдела Комис. по просвещению.—50 к.

390. Книжная Летопись. №№ 24—25. Июнь. Стр 19—1 р. 10 к.

391. Искусство Коммуны. Еженед. Изд. Отдела Изобраз. искусств Комис. Народн. Просвещ. № 1. (Вл. Маяковский, О. М. Брик, Н. Альтман, Н. Пунин и др.). 4 стр.—50 к.

1 р. 25 к.